

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-24

УДК 355

«KILLOLOGY» – НАУКА ОБ УБИЙСТВЕ – В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СИЛОВЫХ СТРУКТУР США

Ефремов О.Ю., Зверев С.Э.

Цель. В статье рассмотрены психолого-педагогические основания подготовки служащих силовых структур США к применению оружия в боевой обстановке.

Метод или методология проведения работы. Статья основывается на анализе взглядов зарубежных военных психологов на сущность работы психологических механизмов, обеспечивающих преодоление страха убивать и быть убитым на поле боя.

Результаты. Отмечается, что знание основных положений «науки об убийстве» помогает лучше понять психологию американских военнослужащих и полицейских и особенности их деятельности в ситуациях, связанных с риском для жизни.

Область применения результатов. В воспитательной работе с российскими военнослужащими предлагается акцентировать внимание на непредвзятое изучение и рациональное использование опыта военных психологов США.

Ключевые слова: агрессия; убийство; технологии убийства; психогенные потери; ПТСР.

«KILLOLOGY» – THE SCIENCE OF MURDER – IN PSYCHO-PEDAGOGICAL TRAINING IN POWER STRUCTURES OF THE USA

Efremov O.Ju., Zverev S.Je.

Purpose. The article considers the psychological-pedagogical bases of preparation of employees of power structures of the USA to the use of weapons in a combat situation.

Methodology. The article is based on an analysis of the views of foreign military psychologists on the nature of psychological mechanisms to overcome the fear to kill and to be killed on the battlefield.

Results. *It is noted that the «science of murder» helps to better understand the psychology of the American military and police personnel and their activities in situations of risk to life.*

Practical implications. *In educational work with the Russian military personnel are encouraged to focus attention on an impartial study and rational use of the experience of military psychologists in the USA.*

Keywords: *aggression; killing; technology of killing; psychiatric victims; PTSD.*

Введение

После окончания Второй мировой войны в США вышла книга полковника Маршалла под названием «Люди против огня: проблема командования в будущей войне»⁵. На основании социологического исследования, которое автор, будучи военным историком, провел среди солдат и сержантов боевых подразделений армии США на Европейском и Тихоокеанском ТВД, Маршалл пришел к парадоксальному выводу: в бою только от 15 до 25% солдат оказывались в состоянии вести прицельный огонь по противнику из личного оружия.

Причину этого явления Маршалл и затем позднейший исследователь феномена убийства на войне – основатель своеобразного научного направления «killology» – Д. Гроссман вполне в духе ортодоксально-религиозной Америки 1950-х видели в органически присущем человеку отвращению к убийству себе подобных. «Не может быть никаких сомнений в том, – пишет, например, Гроссман, – что это сопротивление убийству ближних существует в результате мощного сочетания инстинктивных, рациональных, экологических, наследственных, культурных и социальных факторов»⁶.

Материалы исследования и их обсуждение

Эта «теория» не раз вызывала критику. Как отмечают современные исследователи, например, Р. Энген⁷, опросы Маршалла грешили недостаточной научной чистотой: сохранилось, например, только 2 блокнота с записями, хотя, по заявлению самого генерала, он опросил солдат и сержантов более 600 (!) рот, да к тому же «многие ветераны, действия которых [Маршалл] описывал «документально» в своих книгах, горько жаловались на его неточность или откоро-

⁵ Marshall, S.L.A. Men Against Fire: The Problem of Command in Future War. Washington, The Infantry Journal & William Morrow & Company, New York, 1947.

⁶ Grossman, D., On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society, Little, Brown and Co, 1995.

⁷ Engen, R. S.L.A. Marshall and the Ratio of Fire History, Interpretation, and the Canadian Experience. [Электронный ресурс] [http:// www.canadianmilitaryhistory.ca/...](http://www.canadianmilitaryhistory.ca/) Дата обращения: 31.07.2015.

венную предвзятость» [1, URL: [www.canadianmilitaryhistory.ca/...](http://www.canadianmilitaryhistory.ca/) Дата обращения: 31.07.2015.]. Ко всему прочему, Маршалл и Гроссман за свою военную карьеру сами лично никого не убили, что позволило одному из участников военно-исторического форума с юмором заметить: «Я не пытаюсь рассказать, беременным женщинам, каково это – быть беременной, я не ожидаю, что непосвященные расскажут мне, каково это – убивать» [5, URL: www.military-history.us/.../s-l-a-marshall-men-against-fire. Дата обращения: 01.08.2015.]. И все же, несмотря на то, что сам термин «killology» не является в американской психолого-педагогической науке общепринятым, идеи Маршалла и Гроссмана оказали и оказывают определенное влияние на характер подготовки служащих силовых структур.

Например, игнорировать тревожные предупреждения Маршалла о недостаточной агрессивности американского солдата стало совершенно невозможно в условиях эскалации вмешательства США в войну во Вьетнаме в 1965 году. Мириться с таким нерациональным использованием ресурса «человечьей силы» генералы не собирались; по верному замечанию Д. Гроссмана, «уровень 15-20% стреляющих солдат подобен 15-20% уровню грамотных среди корректоров» [2, р. 27]. Забота о рентабельности «производства смерти» также, очевидно, имела место. Например, было подсчитано, что с 7 января по 24 июля 1969 года, снайперы армии США во Вьетнаме имели 1245 подтвержденных убийств, в среднем затрачивая 1,39 пули на убийство. Этот показатель выгодно отличался от 50 000 патронов, тратившихся в среднем на каждого убитого вьетнамца [Ibid, р. 33].

За дело взялись с американской деловитостью и основательностью, решившись с опорой на теорию условного рефлекса И.П. Павлова и оперантное кондиционирование Б.Ф. Скиннера помочь американскому солдату превозмочь страх убийства, тем более что страх убивать и страх быть убитым, по мнению американских психологов, находились в тесной диалектической взаимосвязи.

В результате родилась технология подготовки солдата, слагавшаяся из трех последовательных этапов. «Триадой методов, используемых для достижения замечательного (sic!) увеличения убийств⁸ – пишет Гроссман, – являются: десенсибилизация (думать о неммыслимом), кондиционирование⁹ (делать неммыслимое), и отключение защитных механизмов (отрицание неммыслимого)» [Ibid, р. 47].

Десенсибилизация – или «обесчувствливание» – достигалась примерно теми же средствами, что показаны в повести Р. Флэнагана «Черви» (1971) и в фильме С. Кубрика «Цельнометал-

⁸ До 90-95% прицельно стреляющих солдат во Вьетнаме, по данным Д. Гроссмана.

⁹ Подготовка, натаскивание, закалка, промывка мозгов.

лическая оболочка» (1987). А вот как описывает это некто Джек – ветеран войны во Вьетнаме: «Я орал «убей, убей», пока не охрип. Мы оралы, пока занимались штыковым и рукопашным боем. Когда мы маршировали, мы пели: «Я хочу быть десантником,.. я хочу убить вьетконга». Я оставил охоту, когда мне было шестнадцать. Я ранил белку. Она смотрела на меня своими большими, мягкими карими глазами, пока я не положил конец ее страданиям. Я чистил свое оружие, но никогда не брал его в руки с тех пор. В 1969 году я был призван, имея очень неопределенное представление о войне. Я не имел ничего против вьетконга. Но по окончании базовой подготовки, я был готов убить их» [Ibid, p. 69]. Личные впечатления Д. Гроссмана более красочны: «В 1974 году, когда я был в учебке, мы исполняли много таких песнопений. В том, которое было только немного более экстремальным, чем большинство, повторялось (акцентировано выкрикивалось под шаг левой ногой): «Я хочу НАСИЛОВАТЬ, УБИВАТЬ, ГРАБИТЬ ЖЕЧЬ, ЖЕЧЬ, ПОЕДАТЬ мертвых ДЕ-Е-Е-ТЕЙ» [Ibid, p. 88].

Американским солдатам внушали, что их долг заключается не в том, чтобы быть храбрым или хорошо сражаться, а в том, чтобы просто убивать как можно больше людей. Технология была достаточно эффективна: как видим, она позволяла даже в мягких и чувствительных людях посеять семена жажды убийства (о цене решения этого вопроса речь пойдет чуть позже).

Если, по утверждению Д. Гроссмана, такие грубые формы десенсибилизации отошли в прошлое в американской армии, то следующие два технологических этапа подготовки к убийству используются в силовых структурах США до сих пор.

Кондиционирование заключается в стрелковой подготовке, условия которой максимально приближены к реалиям боя: солдат ведет огонь в полной выкладке по антропоморфной мишени. И, следуя теории Б.Ф. Скиннера, нужный навык подкрепляется похвалой инструктора, значком за меткую стрельбу или добавлением трех суток к отпуску. Этот этап тесно связан с последующим: отключению защитных механизмов психики способствует самоубеждение солдата в результате многократного поражения мишеней в форме фигуры человека в том, что в момент убийства он всего лишь поражает очередную мишень. Такой подход приносит плоды. Один британский ветеран Фолклендской кампании (1982), обученный современным методом, рассказывал Д. Гроссману, что он «думал, что враг нечто более или менее похожее на цель на рисунке П (человек-в-форме)» [Ibid, p. 93]. Таким же образом, американский солдат может убедить себя, что он стреляет по силуэту Е-типа (человека-в-форме, оливково-серой мишени), а не по человеческому существу.

Но самое любопытное заключается в том, что *отключению защитных механизмов* способствует соблюдение по крайней мере одной из четырех типов дистанции между убийцей от жертвой:

- культурной дистанции, опирающейся на расовые и этнические различия, которые позволяют убийце дегуманизировать жертву (лозунг – «низшие формы жизни»). Например, 44% американских солдат во время Второй мировой войны говорили, что они очень хотели бы убить японского солдата, но только 6% выказывали такую же степень энтузиазма по поводу убийства немцев;
- моральной дистанции, принимающей вид мировоззренческой или сформированной уверенности в моральном превосходстве и необходимости мщения по типу суда Линча (особенно характерна для гражданских войн). Враг еще человек, и его убийство является актом правосудия, а не истребления («они все преступники»);
- социальной дистанции, заключающейся в мировоззренческом или сформированном представлении о конкретном классе, как стоящем ниже человеческого уровня в социально стратифицированной среде («социальные жертвы»);
- механической дистанции, которая обеспечивает «стерильную нереальность убийства, подобную игре в «нинтендо»¹⁰ – убийства посредством поражения метки на телеэкране, радаре, через тепловизор, снайперский прицел или некоторый другой вид механического буфера, что позволяет убийце отказать в человеческой сущности своей жертве («я не вижу людей...»).

Американские психологи называют это «процессом выработки искусственного презрения к человеку-мишени». Так, у полицейских преобладает отрицание и презрение к роли социальной жертвы преступника или подозреваемого; у военных – отрицание и презрение к человеческому достоинству и человеческой сущности противника¹¹. Это умственный процесс, которому весьма способствует распространение технологических новинок на поле боя, закрепляется и усиливается каждый раз, когда стрелок посылает пулю в цель.

Несмотря на прокламируемые достоинства технологии убийства, выражающиеся прежде всего в росте «показателя стреляющих» солдат (ratio of fire), она, как очень скоро стало очевидным для американцев, имела и существенные издержки. Издержки эти заключаются в катастрофическом росте числа военнослужащих, принимавших участие в войне во Вьетнаме,

¹⁰ Grossman, D. On killing...

¹¹ «Они все трусы... Они просто трусы, – твердил, например, капрал морской пехоты У. Уолд после того как убил 6 иракцев в бою под Эль-Фаллуджей 12 ноября 2004 года. – Если они подонки – их всех надо прикончить» (Сайтс, К. Синдром войны: О чем не говорят солдаты. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 23-29).

страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР)¹². Все причины этого сложного явления не могут быть удовлетворительно отражены в рамках данной статьи. Укажем только, что одной из причин, непосредственно связанной с внедрением в подготовку военнослужащих технологии формирования способности к убийству, является то, что многократное проигрывание факта убийства в уме порождает ощущение реального участия в убийстве и как следствие – способствует развитию психологической травмы даже у лично не убивавших. Зомбирование солдата приводило к сужению его сознания и фактически ограничивало адаптационные возможности психики. Об этом свидетельствует отсутствие значимых различий в статистике страдающих от ПТСР среди «боевых солдат», непосредственно принимавших участие в боевых действиях, и «нонкомбатантов» – военнослужащих тыловых и обеспечивающих подразделений.

В вышедшем в 1995 году оригинальном исследовании «Об убийстве: психологическая цена обучения убивать в армии и обществе» военный психолог, бывший подполковник армии США Дэйв Гроссман дал развернутую ретроспективную характеристику поведения человека в бою, а также показал влияние убийства на психику человека, связав его с уровнем психогенных потерь на войне и ПТСР у ветеранов боевых действий.

По его мнению, существуют четыре модели реакции на опасность: дихотомия *борьбы-бегства* соответствует вариантам поведения любого существа, столкнувшегося с угрозой, исходящей не от представителей их собственного вида. В противном случае набор опций расширяется, включая *позерство* и *подчинение*. Очевидно, что действия солдата или полицейского лежат в выборе одной из этих четырех моделей, причем, как убеждает нас Гроссман, преобладающими являются последние две. «Когда человек пугается, – пишет Гроссман, – он буквально перестает думать своим передним мозгом (то есть, разумом) и начинает думать средним мозгом (той частью мозга, которая по сути ничем не отличается от животного), а по логике животного тот, кто производит больше шума или представляет себя более крупным – тот победит» [2, р. 56].

Позерство можно увидеть в высоких гребнях на шлемах древних греков и римлян, в сияющих доспехах средневековых рыцарей, ярких мундирах и плюмажах на тяжелых, неудобных киверах солдат наполеоновской эпохи. Все эти военные аксессуары служили одной цели: позволяли их владельцам выглядеть и чувствовать себя более высокими, более опасными суще-

¹² Количество ветеранов, страдающих от ПТСР, простирается в диапазоне от 18 до 54 процентов из 2,8 миллиона военнослужащих, служивших во Вьетнаме.

ствами и производить то же впечатление на противника. В наше время это же стремление можно увидеть в агрессивной расцветке камуфлированного обмундирования некоторых армий.

В течение столетий боевые кличи солдат заставляли стынуть кровь в жилах их противников. Будь то боевой пэан греческой фаланги, «ура!» русской пехоты, пронзительный плач шотландской волынки – солдаты всегда инстинктивно стремились утратить врага через ненасилиственные средства до физического контакта, подбадривая друг друга и производя на врага впечатление своей свирепостью, и одновременно обеспечивая себя эффективным средством снижения аналогичного воздействия противника. Еще в большей степени эффект позерства позволило достигнуть появление пороха на полях сражений. Треск мушкетных, а после и винтовочных выстрелов, автоматных и пулеметных очередей обеспечивал тот шумовой эффект, при котором человеческая психика обретала возможность функционирования среди крови и ужасов боя.

Ну а поскольку использование модели позерства, по крайней мере, в животном мире, не предполагает реального столкновения с врагом, то для большинства солдат, по мнению Гроссмана, в бою это выступает дополнительным стимулом стрелять поверх голов противника или не стрелять вовсе.

В подтверждение этой точки зрения Гроссман приводит множество аргументов, например, о невысокой результативности стрельбы из сомкнутого строя в эпоху дымного пороха и гладкоствольного оружия. На самом деле вести прицельную стрельбу в этом случае не представлялось возможным в принципе, поскольку после первого залпа поле боя буквально застилало дымом, последующая стрельба велась просто по направлению к противнику. Но и в этом случае первый залп мог быть убийственным: известно, что когда в сражении при Фонтенуа (1745) французы галантно уступили право первого залпа англичанам, следствием были огромные потери французской гвардии. По-настоящему убийственной была стрельба из стрелковой цепи – об этом говорит само название таких солдат – «застрельщики». Это заставляет предположить, что значение имела скорее индивидуальная подготовка и отсутствие помех со стороны соседей в шеренге. Также не раз отмечалось, что уверенность в превосходстве своего оружия придавало бойцам хладнокровия и повышало точность огня.

Другой факт – уже из истории индейских войн: «Люди генерала Крука сделали 25 000 выстрелов на Роузбад-крик 16 июня 1876 г., что привело к 99 жертвам у индейцев, или добились одного попадания на 252 выстрела»¹³ – трактуется автором в пользу того, что, не желая смерти ближнему, солдаты стреляли поверх голов. Если вспомнить о неоднократных случаях резни

¹³ Grossman, D. On killing...

индейцев армией США трудно поверить в такой альтруизм. Скорее, бешено мчавшийся всадник, совершавший разнообразные маневры уклонения, чтобы не служить янки живой мишенью, был довольно-таки трудной целью.

Ну а ссылаясь на то, что в годы Второй мировой войны на долю менее 1% пилотов американского авиакорпуса приходилось 30-40% сбитых вражеских самолетов, что якобы подтверждает «теорию», гласящую, что только приблизительно 2% людей («агрессивных психопатов») способны убивать, не испытывая угрызений совести, и вовсе не выдерживают критики. Как известно, задача неопытных летчиков в воздушном бою заключалась в том, чтобы просто не потерять ведущего, надежно прикрывая его своим телом. Стрелять начинали, только научившись, как следует пилотировать, но до этого надо было еще дожить.

Больше нежели позерство, по мнению Гроссмана, в бою распространено следование модели подчинения, которое проявляется в том, что «нестреляющие» солдаты были готовы заниматься чем угодно: доставлять донесения, оказывать помощь раненым и помогать при их транспортировке, подносить боеприпасы и т.п., но только не вести огонь по врагу, даже в случае явной угрозы собственной жизни.

Еще один пример: «После битвы при Геттисберге, на поле сражения было собрано 27 574 мушкетов. Из них почти 90 процентов (двадцать четыре тысячи) были заряжены. Двенадцать тысяч из этих заряженных мушкетов оказались заряжены больше чем один раз, и шесть тысяч из этих многократно заряженных ружей имели от трех до десяти пуль в стволе. Одно ружье было заряжено двадцать три раза... Очевидный вывод заключается в том, что большинство солдат даже не пытались убить врага. Большинство из них, похоже, даже не хотели стрелять в противника... Имеющиеся данные указывают на то, что по крайней мере половина солдат в эпоху сражений черного пороха не стреляли, и лишь ничтожный процент из тех, кто стрелял, ставил целью убить врага» [2, p. 101].

Вывод, надо сказать, не столь очевиден. В частности, самое простое объяснение может заключаться в том, что подобранные ружья могли принадлежать убитым или бежавшим с поля боя – в первом случае из них просто не успели выстрелить, во втором – и не собирались стрелять. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что упомянутое сражение относится к периоду гражданской войны между Севером и Югом; вряд ли американские солдаты так уж горели желанием истреблять соотечественников.

В результате, Гроссман приходит к выводу: «Убеждение, что большинство солдат не будет убивать противника в ближнем бою, противоречит тому, чему мы хотим верить, противоречит тому, что нам рассказывали на протяжении тысячи лет военной истории и культуры» [Ibid,

р. 98]. Судя по всему, с этой позицией были знакомы разработчики «Кредо солдата», текст которого обсуждался в конгрессе США в ноябре 2003 г., что придает ему характер важного государственного документа. В одном из положений кредо недвусмысленно прописано: «Я пребываю в готовности к развертыванию и уничтожению врагов США в ближнем бою» [10, с. 213].

Соответственно, именно инстинктивный страх причинить повреждения и смерть человеческому существу в ближнем бою, когда солдат может различить лицо противника, а также наблюдать результаты применения своего оружия рассматривается Гроссманом в качестве одного из важнейших источников психогенных потерь и ПТСР наряду с *недостатком сна*, *недостатком питания*, *воздействием стихий* и *эмоциональным истощением*. Не случайно, полагает Гроссман, поражения психики реже наблюдаются у артиллеристов, летчиков и моряков, для которых враг – всего лишь отметка на радаре или условный значок на карте, или у военнослужащих спецподразделений, чья главная задача – обнаружение противника и наведение на него ударных средств.

Не меньшее значение для развития психотравмы имеет и осознание простого факта, что в лице противника в ближнем бою солдат имеет того, кто настолько отрицает его человеческую природу, что стремится убить его. «Солдатским ответом на откровенно враждебные действия противника, – отмечает Гроссман. – как правило, является глубокий шок, удивление и возмущение» [2, р. 113]. Автор ведет речь о т.н. «ветре ненависти» – ощущении угрозы от человека, – заявляя, что именно ожидание пехотной атаки после бомбежки и артобстрела выступает в качестве могущественного стресс-фактора, обуславливающего психогенные потери. Применение артиллерии и авиации само по себе не оказывает такого мощного психологического воздействия, конечно, на уже обстрелянные войска. Нетрудно заметить, что в ходе операций в Ираке наземная фаза являлась непременно завершающей, ломающей волю противника к борьбе.

Реакция на «ветер ненависти» проявляется как в «замораживании» солдатской психики, когда человек буквально впадает в ступор, так и неприцельной, беспорядочной стрельбе, по типу реакции позерства. Полководцы, случалось, учитывали и даже сознательно превращали этот страх в элемент тактики. Например, французский маршал Мориц Саксонский (1696-1750) замечал: «...быстрота, с которой пруссаки заряжают свои ружья, выгодна в том отношении, что она занимает солдата и мешает ему думать перед неприятелем» [7, с. 108]. Военный теоретик конца XIX века Арман дю Пик комментировал этот феномен следующим образом: «Хитрый Фриц считал огонь средством оглушить и занять плохих солдат»¹⁴, а с точки зрения

¹⁴ Пик, дю А. Исследование боя в древние и новейшие времена. – Варшава, 1893. С. 106.

солдатской психологии объяснял это так: «Каждый инстинктивно спешит выпустить выстрел, который может задержать пулю, предназначенную ему» [Там же, с. 106]. Нетрудно заметить, что наблюдения эти не утратили актуальности.

Таким образом, ведение огня и способность к убийству есть «предохранительный клапан волнения», по выражению дю Пика, или инстинктивное стремление «не дать себя убить безнаказанно», присущее каждому человеку, как полагал Наполеон.

В этой связи основными этапами проживания процесса убийства в бою «killology» Гроссмана полагает: *обеспокоенность по поводу убийства, фактическое убийство, радость, раскаяние, рационализацию и принятие убийства.*

На успешное преодоление первого этапа работает вся система подготовки солдата и полицейского, о которой речь шла выше.

Эйфория от убийства, наблюдающаяся в ближайшее время (в ходе боя и сразу после его завершения, когда психика еще не «остыла») после убийства, судя по всему, есть удовлетворение от хорошо сделанной работы и радость от того, что убили не тебя, что ты смог выжить. Вот как, например, описывал это состояние герой Первой мировой войны Э. Юнгер, последний кавалер ордена «Pour le Merite»: «Желание умерщвлять, бывшее выше моих сил, окрыляло мои шаги... Захлебываясь и заикаясь, мы выкрикивали друг другу отрывистые фразы, и безучастный зритель, наверно, подумал бы, что нас захлестнул переизбыток счастья» [11, с. 32].

Надо заметить, что «фронтальной психоз», как называет его Г.Л. Бобров, явление интернациональное: «Десятки раз я видел собственными глазами, – пишет автор, ветеран войны в Афганистане, – как молодые, «приложив» своего первого «чувака», орали и визжали от радости, тыкали пальцами в сторону убитого противника, хлопали друг друга по плечам, поздравляли; и всаживали в распростертое тело по магазину – «чтобы наверняка» [6, с. 202-203].

Раскаяние, связанное с возвращением способности анализировать и рационально рассуждать, по мысли Гроссмана, переживают как отдельные личности, так и целые народы. Интересно, что проигрыш на выборах политиков, проводивших победоносные войны (У. Черчилль, Дж. Буш), объясняется Гроссманом, как следствие стадии раскаяния и отвращения, переживаемой нациями после эйфории от победы.

От того, насколько эффективен этап рационализации убийства, представляющий собой защитную реакцию психики, зависит уровень психогенных потерь и ПТСР. В процессе рационализации значительную роль играют социальные факторы. В частности, в результате многочисленных исследований американские военные пришли к выводу, что люди в бою обычно мотивированы на поединок не идеологией, или ненавистью, или страхом, но «групповым дав-

лением и процессами, связанными (1) с уважением их товарищей, (2) с уважением их руководителей, (3) с беспокойством за собственную репутацию у тех и других, и (4) побуждением внести свой вклад в успех группы» [2, р. 137]. Пример рационализации убийства хорошо показан в известном романе Э.М. Ремарка, когда солдат, убивший противника в рукопашной, рассказывает о своих переживаниях товарищам: «Они успокаивают меня:

– Тут уж ничего не изменишь. А что ж тебе оставалось делать? Для этого-то ты и находишься здесь!

Я слушаю их и думаю, что с ними мне нечего бояться, меня утешает уже то, что они рядом со мной» [8, с. 127].

Соответственно, в подготовке военнослужащих делается упор на взаимные обязательства солдат и офицеров друг перед другом как основу солдатской чести, что неоднократно находит солидное подкрепление на страницах устава FM 22-100: «Солдаты сражаются друг за друга; верность – это обязательство»¹⁵; «солдаты скорее умрут, чем позволят своим товарищам пасть»¹⁶; «это фундаментальная истина: солдаты действуют, потому что они не хотят, чтобы их товарищи погибли»¹⁷. Санкция на убийство, исходящая от государства, командования и членов референтной группы помогает снизить уровень психогенных потерь и ПТСР.

Условия и средства, облегчающие прохождение военнослужащими этапов рационализации и принятия опыта убийства, рассматривающиеся как традиционные в американской воинской практике, включают:

- постоянную похвалу и внушение уверенности солдату от товарищей и начальства, что он «все сделал правильно» (одним из самых важных физических проявлений этого утверждения является вручение медалей и орденов);
- постоянное присутствие в подразделении зрелых, взрослых товарищей (то есть старше двадцати-тридцати лет), которые служат образцами для подражания и выступают фактором стабилизации личности в боевой обстановке;
- тщательное соблюдение кодексов и конвенций ведения войны обеими сторонами, ограничивающих жертвы среди мирного населения и проявление жестокости и зверства;
- наличие тыловых или четко определенных безопасных районов, где солдат может отдохнуть и сбросить психологическое напряжение в промежутке между боями;

¹⁵ Headquarters, Department of the Army. FM 22-100, Army Leadership. – Washington: HQDA, 1999. 2-11.

¹⁶ Idid., 2-89.

¹⁷ Idid., 5-102.

- присутствие близких, верных друзей и доверенных лиц, с которыми солдаты проходили подготовку и которые разделяют с солдатами их боевую жизнь;
- наличие более или менее длительного восстановительного периода, когда солдаты и их товарищи вместе плывут на транспорте или совершают марши, возвращаясь с войны;
- уверенность военнослужащих и ветеранов, что окончательная победа была одержана благодаря их усилиям и достигнута благодаря их жертвам;
- парады ветеранов и памятники участникам и жертвам войн;
- встречи и продолжение общения (через визиты, почту и т.д.) с однополчанами, с которыми солдаты сроднились в борьбе;
- теплые и безоговорочно восхищенные приветствия друзей, членов семьи и общины, общества в целом, постоянно заверяющие солдата, что война и его личное участие в ней были необходимы, справедливы и правомочны;
- возможность гордой демонстрации военнослужащими и ветеранами наград.

В подтверждение этих взглядов, Гроссман описывает разницу между условиями, в которых оказались ветераны Второй мировой и участники войны во Вьетнаме следующим образом.

Первые (средний возраст 24-25 лет) вступали в бои в составе подразделений и частей, в которых они успели обзавестись друзьями в процессе подготовки в тренировочных лагерях. После окончания войны, закончившейся безоговорочной и убедительной победой, их долгое время везли через океан транспортом также в составе своих частей и подразделений, где в окружении товарищей солдаты могли до некоторой степени переварить все происходившее с ними на войне и вербализовать свои ощущения. В Америке их на две недели размещали в лагерях, давая возможность встречаться с семьями, которым обеспечивали прекрасные условия размещения неподалеку. Затем войска принимали участие в парадах по случаю победы. И, наконец, «Американский легион» ежегодно собирал бывших солдат на встречи с другими ветеранами, когда они могли пройти маршем по улицам родных городов. Ими гордились, и никакой законопроект не мог быть принят без одобрения ветеранских организаций.

Вторые (средний возраст 18-19 лет) прибывали на войну поодиночке (в подразделениях их воспринимали всего лишь как FND – fucking new guy). Они участвовали в боях без линии фронта; убивали не солдат, а людей, одетых в гражданское платье, что повышало риск убийства нонкомбатантов. По возвращении с войны (также поодиночке, по окончании годичного срока нахождения во Вьетнаме) их на несколько дней помещали в лагерь, как заключенных, а затем выбрасывали также поодиночке в общество, которое награждало их титулами «ма-

ньяков-убийц», «развратных извергов» и проч. Отсутствовал период «психологической декомпрессии» – солдат перевозили на самолетах, так что нередко были случаи, когда срок между последним боем и переходом к мирной жизни составлял всего несколько часов. Вместо парадов их встретили на родине антивоенными маршами. Они не смели признаться даже близким людям, что являются ветеранами. Они не состояли в ветеранских организациях. Мемориал участникам войны был воздвигнут только спустя 10 лет после ее окончания.

Указанные факторы обеспечили огромный рост ПТСР у ветеранов войны во Вьетнаме по сравнению с участниками Второй мировой войны. Нетрудно заметить, что часть тех же ошибок была совершена нами по отношению к военнослужащим, участвовавшим в войне в Афганистане, и ветеранам-«афганцам».

Заключение

В целом, по взглядам американских специалистов, вероятность приобретения ПТСР определяется характером подготовки солдата, раскрепощающей его инстинкты, снимающей природный запрет на убийство, и социальной реакцией общества, отказывающегося принимать его жертву.

Можно констатировать, что положения «killology» несмотря на некоторые неточности и частные противоречия довольно часто цитируются на Западе в исследованиях, посвященных проблемам военной психологии, ПТСР, реабилитации участников боевых действий. Безусловно ценным является признание Д. Гроссмана: «Психологическая война направлена не на врага, а на собственные войска. Пропаганда и другие грубые формы психологического воздействия всегда были востребованы на войне, но во второй половине этого века психология оказывает такое же большое влияние, как и технологии на современном поле боя» [2, p. 148].

Список литературы

1. Engen, R. S.L.A. Marshall and the Ratio of Fire History, Interpretation, and the Canadian Experience. [Электронный ресурс] [http:// www.canadianmilitaryhistory.ca/...](http://www.canadianmilitaryhistory.ca/) (дата обращения 31.07.2015).
2. Grossman, D. On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society. – Little, Brown and Co, 1995.
3. Headquarters, Department of the Army. FM 22-100, Army Leadership. – Washington: HQDA, 1999.

4. Marshall, S.L.A. Men Against Fire: The Problem of Command in Future War. – Washington, The Infantry Journal & William Morrow & Company, New York, 1947.
5. Patrick Shrier. [Электронный ресурс] [http:// www.military-history.us/.../s-l-a-marshall-men-against-fire](http://www.military-history.us/.../s-l-a-marshall-men-against-fire) (дата обращения 01.08.2015).
6. Бобров, Г.Л. Солдатская сага. – М.: Эксмо, 2007.
7. Пик, дю А. Исследование боя в древние и новейшие времена. – Варшава, 1893.
8. Ремарк, Э.М. На западном фронте без перемен. – М.: Правда, 1985.
9. Сайтс, К. Синдром войны: О чем не говорят солдаты. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
10. Современная военная риторика: Полевой устав армии США: Речевое воспитание военнослужащих США / Сост. О.Ю. Ефремов, С.Э. Зверев. – СПб.: Алетейя, 2013.
11. Юнгер, Э. В стальных грозах. – СПб.: Владимир Даль, 2000.

References

1. Engen, R. S.L.A. Marshall and the Ratio of Fire History, Interpretation, and the Canadian Experience. [Электронный ресурс] [http:// www.canadianmilitaryhistory.ca/...](http://www.canadianmilitaryhistory.ca/...) (дата обращения 31.07.2015).
2. Grossman, D. On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society. – Little, Brown and Co, 1995.
3. Headquarters, Department of the Army. FM 22-100, Army Leadership. – Washington: HQDA, 1999.
4. Marshall, S.L.A. Men Against Fire: The Problem of Command in Future War. – Washington, The Infantry Journal & William Morrow & Company, New York, 1947.
5. Patrick Shrier. [Электронный ресурс] [http:// www.military-history.us/.../s-l-a-marshall-men-against-fire](http://www.military-history.us/.../s-l-a-marshall-men-against-fire) (дата обращения 01.08.2015).
6. Bobrov, G.L. A Soldier's Saga. – M., 2007.
7. Pick, du A. The Study of Battle in Ancient and Modern Times. – Warsaw, 1893.
8. Remark, E.M. Nothing News in the West Front. – M., 1985.
9. Saits, K. War Syndrome: do not say the Soldiers. – M., 2013.
10. Modern Military Rhetoric: Field Manual of the U.S. Army: Speech Education of the U.S. Servicemen / O.JU.Efremov, S.E. Zverev. – SPb., 2013.
11. Junger, E. At the steel storm. – SPb., 2000.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ефремов Олег Юрьевич, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор педагогических наук, профессор

Военная академия связи

Тихорецкий проспект, д. 3, г. Санкт-Петербург, 194064, Россия

e-mail: oe64@rambler.ru

Зверев Сергей Эдуардович, профессор кафедры организации и методики образовательного процесса, кандидат педагогических наук, доцент

Военный учебно-научный центр Военно-морского флота

Ушаковская наб., д. 17/1, г. Санкт-Петербург, 197045, Россия

e-mail: ser86979392@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Efremov Oleg Jurevich, head of the chair of humanitarian and socio-economic disciplines, Doctor of Pedagogical Science, professor

Military Academy of communications, Tikhoretsky Ave., 3, St. Petersburg, 194064, Russia

e-mail: oe64@rambler.ru

Zverev Sergej Jeduardovich, the assistant of professor of chair of the process of education, Ph.D. in Pedagogical Science

Navy Science and Education Center

17/1, Ushakovskaya embankment, Saint-Petersburg, 197045, Russia

e-mail: ser86979392@yandex.ru